

УДК: 378.022:81:243

В. М. Гурленов

**Мышление и речемышление
в обучении иностранным языкам**

В статье раскрывается содержание терминов «мышление» и «речевое мышление». Разграничение этих явлений необходимо для понимания и объяснения процесса обучения иностранным языкам. Речемышление представляется как вербально-образный процесс порождения и восприятия мыслительного содержания мышления. Выявляется роль образа как чувствования и слова как движения в речемышлении.

Ключевые слова: мышление, речемышление, образ, слово, И. М. Сеченов.

V. M. Gurlenov. Thinking and verbal thinking in teaching foreign languages.

The article identifies the meaning of “thinking” and “verbal thinking”. Distinction of these two notions is needed for a better understanding and clarification of teaching a foreign language as a process. Verbal thinking is defined as a verbally descriptive process of creation and perception of cogitative content of thinking. The article states the roles of image as a feeling and word as a movement in verbal thinking.

Keywords: thinking, verbal thinking, image, word, I. M. Sechenov.

В любой науке, а тем более в осмысленной практике, претендующей на творческий потенциал и значимый результат, необходимо добиваться объективации естественно-научных знаний, которые должны стоять за используемой учеными терминологией и объяснять её. При обучении иностранным языкам встает необходимость разграничения понятий и явлений *мышления* и *речемышления* (речевого мышления).

Вероятно, прежде всего, необходимо условиться представлять явление мышления в двух несомненно разных планах: **извне** — в плане отстраненного объекта рефлексии и **изнутри** — в плане внутреннего протекающего процесса.

Представление мышления извне

Изучаемое извне мышление, как и любое явление, может раскрываться с разных сторон: как этап в познавательной деятельности человека, как одна из его психических функций, как абстрактно-дискурсивный механизм, как механизм переработки информации. Наиболее распространенное рабочее определение функционального мышления следующее: это «процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата» [8]. Слово *процесс* не должно здесь обманывать. Процесс рассматривается в данных контекстах не изнутри, а в виде его слагаемых: *условий, проблемы, результата*.

Таким образом, можно условиться понимать *мышление* как процесс решения проблем, задач, процесс нахождения информации. Этот ракурс позволяет раскрыть в мышлении (правильнее — в психике мыслящего субъекта) следующие важные моменты:

— директивно-ситуативный характер мышления: «внутреннее, активное стремление овладеть своими собственными представлениями, понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями и т. д. с той целью, чтобы получить необходимую для овладения ситуацией директиву» [9];

— опытно обусловленный характер мышления в виде различного рода состояний¹: мышление «предполагает наличие у когнитивного субъекта внутренних когнитивных состояний», которые можно назвать «интенциональными состояниями» [10];

— инструментальный состав мышления: «мышление ... состоит в постоянной перегруппировке всех возможных содержаний сознания и образовании или разрушении существующих между ними связей» [9]. Как можно понять, речь здесь идет о наборе умственных операций (анализа, синтеза, сравнения, выделения главного, классификации и т. п.), которым пользуется развитое мышление. Важно понять, что эти операции являются только инструментарием в реализации познавательных устремлений человека. Поэтому нельзя ставить знак равенства между умственными операциями и познанием, как это часто делается при составлении технологических карт урока учителями школ.

¹ О важности использования понятия «психическое состояние» в понимании процесса обучения иностранным языкам нам уже приходилось говорить [10].

Представление мышления изнутри

Такое представление восходит к И. М. Сеченову, который видел в мыслительном процессе неразрывное единство чувствования и движения: «...в основе актов мышления, содержанием которых является сравнение, наблюдение не открывает ничего, кроме частого возбуждения чувствующих снарядов и связанной с ним репродукции предшествовавших сходных впечатлений с их двигательными последствиями» [6, с. 230]. Основа этого единства, по И. М. Сеченову, содержится как в филогенезе (чувствование порождает движение, движение развивает и совершенствует чувствование), так и в актогенезе (чувствование руководит движением, движение дифференцирует чувствование).

Следует напомнить в связи с выявлением роли чувствования в мышлении и известное предостережение И. П. Павлова о том, что «основные законы, установленные в работе первой сигнальной системы, должны также управлять и второй, потому что это работа все той же нервной ткани» [5, с. 234].

Примем в качестве исходного понятия определение речевого мышления (данное опять-таки физиологом!): «Мышление — это работа мозга, в результате которой человек может при помощи слов и образов представить и выразить самые различные состояния своего организма и свое отношение к реально существующим и мнимым предметам и явлениям действительности» [1, с. 262]. В этом определении есть фрагмент, который указывает на психологический механизм речемышления: «*при помощи слов и образов*». Следовательно, речемышление — это вербально-образный процесс, в котором оба компонента являют собой единое функциональное целое (движение и чувствование), так, как это понимал И. М. Сеченов.

Дальнейшее рассуждение наталкивается на проблему образа. С точки зрения физиологии мозга образ и понятие представляют собой лишь крайние точки континуума, в котором располагаются точные ансамбли и последовательности разных уровней, отвечающие более узким и более широким классам объектов» [7, с. 155].

Вероятно, следует различать два плана при оперировании термином *образ*. Первый план — процессуальный. Здесь мы видим, что все образования в психике человека, известные как традиционные предметные образы, цели, смыслы, понятия, имеют один и тот же

процессуальный генезис и одну и ту же форму актуального бытия в человеке — форму симультанно переживаемых образований, которые мы обозначаем общим термином **образ**.

Второй план — план объектной рефлексии, при которой образы действительно предстают перед исследователем как имеющие разный отражательный генезис, и с этой точки зрения они изучаются объектно, как отличающиеся друг от друга образования.

С точки зрения первой позиции становится неважным вопрос о том, как образы появились в сознании — опытно-практическим ли путем (житейские понятия, смыслы) или в результате специального обучения (научные понятия). Важным становится, напротив, то, насколько они оказались **пережитыми** человеком в его деятельности и легли в основу образно-вербального механизма его речемышления.

Учет же второго плана дает обучающему ответ на вопрос, как с наименьшими затратами сил и времени обеспечить приобретение (присвоение) обучающимися общественно-исторического опыта, зафиксированного обществом в содержательных формулах в виде выводных отрефлексированных понятий, знаний, смыслов.

Итак, образ как обобщающее понятие есть психическая представленность (репрезентация) являющегося человеку мира в его сменяющих друг друга мгновениях: фактах, ситуациях, сценариях, смыслах, отношениях, характеристиках, схемах, понятиях (согласно концепции И. М. Сеченова — его запечатленное/запечатлеваемое чувство).

Обратимся ко второму феномену в связке *«при помощи слов и образов»* — **слову**.

Слово есть знак. Знаки всегда материальны. Они представляют собой либо звуковые волновые колебания (в устной речи), либо графические значки (в письменной речи).

Знаки служат для все более и более тонкого и дифференцированного членения, отражаемого в мышлении мира, который является человеку в процессе его предметно-практической деятельности в форме образов, и обозначения (называния) этих образов (по И. М. Сеченову).

С одной стороны, как известно, язык появился и развился в процессе предметно-практической деятельности. Эта деятельность, не-

смотря на то, что мир един для всех людей, всегда обладает индивидуальными особенностями (зависящими от особенностей индивидуальных деятельностей, особенностей условий, климата и др.). Следовательно, членение образов являющегося мира и их название (обозначение) в каждой индивидуальной деятельности будет уникальным. Здесь сама предметно-практическая деятельность порождает язык. Именно она диктует членение образов и их название. Она — суверенна (диктатор!). Язык-слово творится в индивидуальных предметно-практических деятельностях.

С другой стороны, человек, как коллективное животное, всегда нуждается в информации, необходимой для его деятельности. Язык-слово и есть материальный носитель такой информации. Если предлагаемое членение образов являющегося мира и их название в индивидуальных деятельностях ощущается большинством членов коллектива как удобное и отвечающее их нуждам, то оно принимается и присваивается людьми как универсальное. В данном случае суверенным (диктатором!) становится язык. Так он становится национальным. Поэтому в этих границах верно утверждение в том, что мы воспринимаем мир через призму языка. В этом и состоит еще одна тонкость, которая не всегда бывает ясна при раскрытии роли языка в мышлении и которая заключается в следующем. Распространенным является мнение о том, что язык обозначает предметы, отражаемые человеком. В. фон Гумбольдт совершенно справедливо говорил, что это представление неверно: «... слово возникает ... на основе ... восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного предметом в нашей душе» [2, с. 80]. Эту мысль находим и в современной лингвистике: «... знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них, не составляют часть материального тела знака. Более точно то представление, что знаки не несут и не передают значения (это метафора) от одного человека к другому, а индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях» [4, с. 16].

С одной стороны, мы привыкли отождествлять слова, обозначающие как будто одно и то же явление в разных языках: русское слово *зима* = *winter* в английском языке. Однако все дело в том, что и *зима* и *winter* обозначают не сами явления, а их национально обусловленные

образы, запечатленные в национальной ментальности. Только у северных народов, в данном случае у русского, могло появиться «...и рады мы проказам матушки зимы!», выражающее особое, любовное отношение к этому природному времени года. Среднеевропейский образ зимы скорее ощущается как неприятный, гнилой сезон.

Еще один пример. Мы, русскоязычные, привыкли к тому, что образ весны у нас связывается с красивой молодой девушкой, поскольку само слово *весна* — женского рода. Во франкоязычной ментальности *le printemps* — слово мужского рода, следовательно, оно порождает мужской образ. Слово становится суверенным! В природе, кроме живых существ, нет родовых признаков, а в языках они есть, и они влияют на специфику национальных ментальных образов.

Читатель может поставить на себе следующий эксперимент и убедиться в правильности данных утверждений. Ответом на вопрос: «Что **значит** слово *Monday* в английском языке или *lundi* во французском?» — будет, как правило, *понедельник*. Однако правильный ответ должен быть — *день луны!* Ответ *понедельник* был бы правильным, если бы вопрос звучал следующим образом: «Как **переводятся** эти слова?»

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о том, что методика обучения иностранным языкам может основываться на двух противоположных концепциях о роли знаков-слов в психике человека:

— образный мир у всех наций един, поскольку язык является средством означения предметов и явлений объективного, внеположенного человеку мира (зима = *winter*);

— образный мир у каждой нации уникален, поскольку язык вместе с национально обусловленной практикой является средством формирования этих образов (зима ≠ *winter*).

Согласно первой концепции, достаточно сформировать в мозгу параллельный знаковый код, который бы означал (отмечал знаками) универсальные, единые для обоих языков образы, которые и являются содержанием универсального, единого для всех народов мышления.

Согласно второй концепции, задача представляется намного более сложной: формируя в мозгу человека иноязычную знаковую систему, приходится формировать и соответствующую ей национально

уникальную образную систему в единстве, которое называется здесь **речемышлением**.

Реальный процесс обучения иностранным языкам осуществляется как на основе первой, так и второй концепций.

Проще всего в обучении иностранным языкам не обращать особого внимания на особенности национальной ментальности и «связывать» слова напрямую: зима = *winter*. В самом деле, в большинстве случаев недоразумений в общении не произойдет. Это — экономичный «параллельно-кодовый» прием. Он применяется в условиях отсутствия на занятии инокультурной предметно-практической деятельности, которая и призвана порождать иноязычные образы. Однако при всей привлекательности этого подхода (он ничем не осложнен) мы получаем «родноязычную иностранную» речь.

Современные инструментари (прежде всего материалы интернет-сайтов) позволяют в определенной мере восполнять отсутствие ощущений инокультурной ментальности при овладении иностранной речью.

Так или иначе обучающий обязан тонко чувствовать и понимать, когда ему достаточно строить процесс обучения на основе первой концепции, а когда прилагать все усилия для того, чтобы формировалось иноязычное речемышление, которое и должно быть его целевым идеалом.

Далее необходимо уточнить, что кроется для обучающего иностранным языкам под термином *слово*. Безусловно, это не только лексика, но и грамматические явления, которые организуют речь. Будем понимать в дальнейшем под тем, что было обозначено до сих пор термином *слово*, любые языковые формы (движения, по И. М. Сеченову), означающие, оречевляющие образы.

Проблема понимания процесса речемышления состоит еще и в том, что это двусторонний процесс: с одной стороны, человек строит на основе своих образов мыслительное содержание своей речи, что вызывает одновременно появление речедвижений языковых форм, а с другой — воспринимает и обрабатывает речевой поток, идущий от другого человека, на основе воспринимаемых звуковых колебаний или графических значков, соответствующих речедвижениям, что вызывает одновременно индуцирование в его психике тождественных/нетождественных содержательных образов.

Таким образом, **речемышление** — это психический процесс порождения и восприятия содержания мышления, который состоит:

— *в продуцирующем режиме речемышления*, в возникающих в процессе мыслительной активности целевой субъективной серии образов национальной ментальности (чувствований), которые одновременно автоматически вербализуются национальным языком (речевыми движениями). Вербализация, как можно понять, происходит в навыковом режиме;

— *в воспринимающем режиме речемышления* в рецепции языковых форм (речевых движений) линейно поступающего звукоряда/ряда графических знаков национального языка, которые одновременно автоматически возбуждают в психике серию субъективных тождественных/нетождественных образов национальной ментальности (чувствований). В навыковом режиме здесь происходит возбуждение серии образов, и это длится до тех пор, пока содержание этих образов не будет противоречить данным опыта человека. В этом случае речемышление вновь «переключается» на продуцирующий режим, поскольку человек инстинктивно ощущает желание выяснить причину этого противоречия.

Еще раз подчеркнем, что этот речемыслительный процесс необходимо представлять как проявление единства образа (чувствования), наделяемого словом (вербальным движением), и единства слова (вербального движения), порождающего образ (чувствование).

* * *

1. Воронин Л. Г. Физиология высшей нервной деятельности: учеб. пособие для биол. спец. ун-тов. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.

2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

3. Гурленов В. М. Роль понятия «психическое состояние» в объяснении процессов овладения иностранным языком // Актуальные проблемы науки XXI века: V международная мультидисциплинарная конференция. 15 декабря 2015 года. М.: Международная исследовательская организация «Cognito», 2015. С. 17—21.

4. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

5. Павлов И. П. Избранные произведения / под общей ред. Х. С. Кош-тоянца. М.: Госполитиздат, 1951. 583 с.
6. Сеченов И. М. Избранные произведения. Физиология и психология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 772 с.
7. Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985. 200 с.
8. https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=41 (по состоянию на 15.04.2017).
9. http://www.rubricon.com/about_fes_1.asp (по состоянию на 15.04.2017).
10. <http://terme.ru/slovari/filosofija-enciklopedicheskii-slovar.html> (по состоянию на 15.04.2017).